

Моим детям — Наталии, Борису и Юрию

КТО ТАКОЙ СЕРЁЖА И ГДЕ ОН ЖИВЁТ

Выдумали, будто он на девочку похож. Это прямо смешно. Девочки ходят в платьях, а Серёжа давным-давно не ходит в платьях. У девочек, что ли, бывают рогатки? А у Серёжи есть рогатка, из неё можно стрелять камнями. Рогатку сделал ему Шурик. За это Серёжа отдал Шурику все ниточные катушки, которые собирал всю свою жизнь.

А что у него такие волосы, так их сколько раз стригли машинкой, и Серёжа сидит смирно, закутанный простынёй, и терпит до конца, а они всё равно растут опять.

Зато он развитой, все говорят. Он знает наизусть целую кучу книжек. Два или три раза прочтут ему книжку, и он уже знает её наизусть. Знает и буквы, но читать самому — очень долго. Книжки густо измазаны цветными карандашами, потому что Серёжа любит раскрашивать картинки. Если даже картинки в красках, он их перекрашивает по своему вкусу. Книжки недолго бывают новыми, они распадаются на куски. Тётя Паша приводит их в порядок, сшивая и склеивая листы, изорванные по краям.

Пропадёт какой-нибудь лист — Серёжа ищет его и успокаивается, когда находит: он привязан к своим книжкам, хотя в глубине души не принимает всерьёз все эти истории. Звери на самом деле не разговаривают, и ковёр-самолёт

летать не может, потому что он без мотора, это каждый дурак знает.

И вообще, как принимать всерьёз, если читают про ведьму и тут же говорят: «А ведьм, Серёженька, не бывает».

Но всё-таки он не может перенести, как это дровосек и его жена обманом завели своих детей в лес, чтобы они там заблудились и не вернулись никогда. Хоть Мальчик с пальчик спас их всех, но слушать про такие дела невозможно. Серёжа не позволяет читать ему эту книжку.

Живёт Серёжа с мамой, тётёй Пашей и Лукьянычем. В доме у них три комнаты. В одной спит Серёжа с мамой, в другой — тётя Паша с Лукьянычем, а третья — столовая. При гостях едят в столовой, а без гостей — в кухне. Ещё есть терраса и двор. Во дворе куры. На двух длинных грядках растёт лук и редиска. Чтобы куры не раскапывали грядки, кругом натканы сухие ветки с колючками; и когда Серёже нужно сорвать редиску, вечно эти колючки царапают ему ноги.

Считается, что их город маленький. Серёжа и его товарищи думают, что это неправильно. Большой город. В нём есть магазины, и водокачки, и памятник, и кино. Иногда мама берёт Серёжу с собой в кино. «Мамочка, — говорит Серёжа, когда тушат свет, — если будешь что-нибудь понимать, говори мне».

По улицам ездят машины. Шофёр Тимохин катает ребят на своей полуторке. Только это редко бывает. Это бывает, когда Тимохин не выпьет водки. Тогда он нахмуренный, не разговаривает, курит, плюётся и всех катает.

А если проезжает весёлый — не сто́ит и проситься, ничего не будет: машет рукой из окошечка и кричит: «Привет, ребята! Не имею морального права! Я выпивши!»

Улица, где живёт Серёжа, называется Дальняя. Просто называется: от неё всюду близко. До площади — километра

два, Васька говорит. А до совхоза «Ясный берег» — ещё ближе, Васька говорит.

Главнее совхоза «Ясный берег» ничего нет. Там работает Лукьяныч. Тётя Паша ходит туда в магазин за селёдками и мануфактурой. Мамина школа тоже в совхозе. По праздникам Серёжа бывает с мамой на школьных утренниках. Там он познакомился с рыжей Фимой. Она большая, ей восемь лет. У неё косы уложены на ушах крендельками, а в косы вплетены ленты и завязаны бантами: или чёрные ленты, или голубые, или белые, или коричневые; очень много лент у Фимы. Серёжа бы не заметил, но Фима сама спросила его:

— Ты обратил внимание, сколько много у меня лент?

ТРУДНОСТИ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Это она правильно сделала, что спросила. А то разве на всё обратишь внимание? Серёжа и рад обратить, да внимания не хватит. Столько вещей кругом. Мир набит вещами. Изволь всё заметить.

Почти все вещи очень большие: двери ужасно высокие, люди (кроме детей) почти такой же высоты, как двери. Не говоря уже о грузовике, или комбайне, или о паровозе, который как загудит, так ничего не слышно, кроме его гудка.

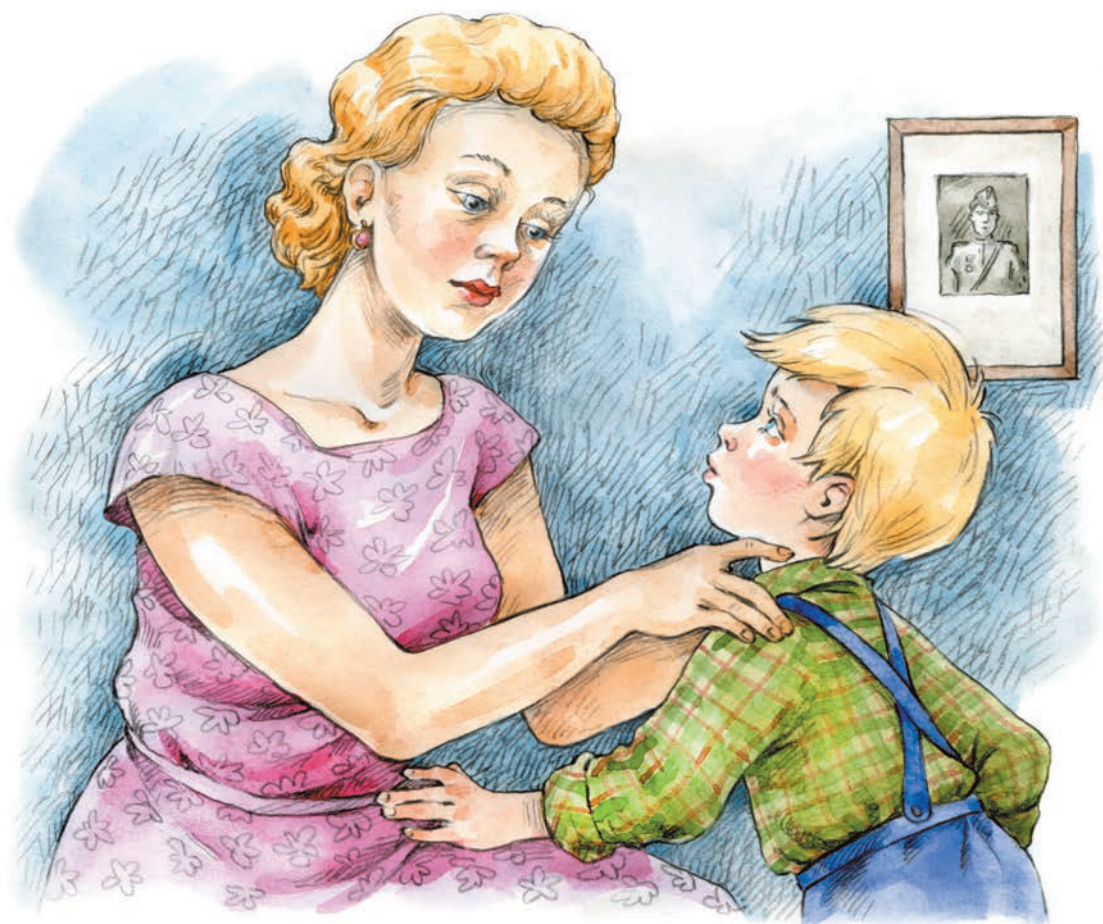
Вообще — не так уж опасно: люди к Серёже доброжелательны, склоняются, если ему нужно, и никогда не наступают на него своими громадными ногами. Грузовик и комбайн тоже безвредны, если не перебежать им дорогу. Паровозы — далеко, на станции, куда Серёжа два раза ездил с Тимохиным. Но вот ходит по двору зверь. У него круглый, подозрительный, нацеливающийся глаз, могучий дышащий зуб, грудь колесом и железный клюв. Вот зверь остановился и мозолистой ногой разгребает землю. Когда он вытягивает шею, то делается одного роста с Серёжей. И может так же заклевать Серёжу, как заклевал молодого соседского петушка, который сдуру разлетелся в гости. Серёжа стороной обходит кровожадного зверя, делая вид, что и не видит его вовсе, — а зверь, свесив красный гребень набок и гортанно говоря что-то угрожающее, провожает его бдительным недобрым взглядом...

Петухи клюются, кошки царапаются, крапива жжётся, мальчишки дерутся, земля срывает кожу с колен, когда падаешь, — и Серёжа весь покрыт царапинами, ссадинами и синяками. Почти каждый день у него откуда-нибудь идёт

кровь. И вечно что-то случается. Васька влез на забор, и Серёжа хотел влезть, но сорвался и расшибся. У Лиды в саду выкопали яму, и все ребята стали прыгать через яму, и всем ничего, а Серёжа прыгнул и свалился в яму. Нога распухла и болела, Серёжу уложили в постель. Едва поднялся и вышел во двор поиграть мячиком, а мячик залетел на крышу и лежал там за трубой, пока не явился Васька и не достал его. А как-то Серёжа чуть-чуть не утонул. Лукьяныч повёз их кататься по речке на челне — Серёжу, Ваську, Фиму и ещё одну свою знакомую девочку, Надю. Чёлн у Лукьяныча оказался никудышный: только ребята зашевелились — чёлн качнулся, и они все упали в воду, кроме Лукьяныча. Вода была жутко холодная. Она сразу налилась Серёже в нос, рот, уши — он и крикнуть не успел; даже в живот. Серёжа сделался весь мокрый и тяжёлый, и его как будто кто-то потащил вниз. Он почувствовал ужас, какого никогда не чувствовал. И было темно. И это длилось невероятно долго. Как вдруг его подняли кверху. Он открыл глаза — возле самого лица его струилась речка, был виден берег, и всё сверкало от солнца. Вода, что была у Серёжи внутри, вылилась, он вдохнул воздуху, берег придвигался ближе и ближе, и вот Серёжа стал на четвереньки на твёрдый песок, дрожа от холода и страха. Это Васька сообразил схватить его за волосы и вытащить. А если бы у Серёжи не было длинных волос, тогда что?

Фима выплыла сама, она умеет плавать. А Надя тоже чуть не утонула, её спас Лукьяныч. А чёлн уплыл, пока Лукьяныч спасал Надю. Колхозницы поймали чёлн и позвонили Лукьянычу в контору по телефону, чтобы он его забрал. Но больше Лукьяныч не катает ребят. Он говорит: «Будь я проклят, если ещё когда-нибудь с вами поеду».

От всего, что приходится увидеть и испытать за день, Серёжа очень устаёт. К вечеру он совсем изнемогает: еле ворочается у него язык; глаза закатываются, как у птицы.

Ему моют руки и ноги, сменяют рубашку, — он в этом не участвует, его завод кончился, как у часов.

Он спит, свободно откинув светловолосую голову, разбросав худенькие руки, вытянув одну ногу, а другую согнув в колене, словно он всходит по крутой лестнице. Волосы, тонкие и лёгкие, разделившись на две волны, открывают лоб с двумя упрямыми выпуклостями над бровями, как у молоденького бычка. Большие веки, опущённые тенистой полоской ресниц, сомкнуты строго. Рот приоткрылся посредине, в уголках склеенный сном. И дышит он неслышно, как цветок.

Он спит — и можете, пожалуйста, бить в барабан, па- лить из пушки, — Серёжа не проснётся, он копит силы, чтобы жить дальше.

ПЕРЕМЕНЫ В ДОМЕ

— Серёженька, — сказала мама, — знаешь что?.. Мне хочется, чтобы у нас был папа.

Серёжа поднял на неё глаза. Он не думал об этом. У одних ребят есть папы, у других нет. У Серёжи тоже нет: его папа убит на войне; Серёжа видел его только на карточке. Иногда мама целовала карточку и Серёже давала целовать. Он с готовностью прикладывал губы к стеклу, затуманившемуся от маминого дыхания, но любви не чувствовал: он не мог любить того, кого видел только на карточке.

Он стоял между мамиными коленями и вопросительно смотрел ей в лицо. Оно медленно розовело: сначала порозовели щёки, от них нежная краснота разлилась на лоб и уши... Мама зажала Серёжу в коленях, обняла его и приложила горячую щёку к его голове. Теперь ему видна была только её рука в синем рукаве с белыми горошинами. Шёпотом мама спросила:

— Ведь без папы плохо, правда? Правда?..

— Да-а, — ответил он, тоже почему-то шёпотом.

На самом деле он не был в этом уверен. Он сказал «да» потому, что ей хотелось, чтобы он сказал «да». Тут же он наскоро прикинул: как лучше — с папой или без папы? Вот когда Тимохин их катает на грузовике, то все садятся наверху, а Шурик всегда садится в кабину, и все ему завидуют, но не спорят, потому что Тимохин — Шурикин папа. Зато если Шурик не слушается, то Тимохин наказывает его ремнём, и Шурик ходит зарёванный и угрюмый, а Серёжа страдает и выносит во двор все свои игрушки, чтобы Шурик утешился... Но, должно быть, с папой всё-таки лучше: недавно Васька обидел Лиду, так она кричала: «А у меня зато папа есть, а у тебя нет, ага!»

— Чего это стучит? — спросил Серёжа громко, заинтересовавшись глухим стуком у мамы в груди.

Мама засмеялась, поцеловала Серёжу и крепче прижала к себе:

— Это сердце. Моё сердце.

— А у меня? — спросил он, наклоня голову, чтобы услышать.

— И у тебя.

— Нет. У меня не стучит.

— Стучит. Просто тебе не слышно. Оно обязательно стучит. Без этого человек не может жить.

— Всегда стучит?

— Всегда.

— А когда я сплю?

— И когда ты спишь.

— А тебе слышно?

— Да. Слышно. А ты можешь рукой почувствовать.

Она взяла его руку и приложила к рёбрам:

— Чувствуешь?

— Чувствую. Здорово стучит. Оно большое?

— Сожми кулачок. Вот, оно такое приблизительно.

— Пусти, — озабоченно сказал он, выбираясь из её объятий.

— Куда ты? — спросила она.

— Я сейчас, — сказал он и побежал на улицу, прижимая руку к левому боку. На улице были Васька и Женька.

Он подбежал к ним и сказал:

— Вот попробуйте, хотите? Тут у меня сердце. Я его рукой чувствую. Попробуйте, хотите?

— Подумаешь! — сказал Васька. — У всех сердце.

Но Женька сказал:

— А ну.

И приложил руку к Серёжиному боку.

— Чувствуешь? — спросил Серёжа.

— Ага, — сказал Женька.

— Оно приблизительно такое, как мой кулак, — сказал Серёжа.

— А ты почём знаешь? — спросил Васька.

— Мне мама сказала, — ответил Серёжа. И, вспомнив, добавил: — А у меня будет папа!

Но Васька и Женька не слушали, занятые своими делами: они несли на заготпункт лекарственные растения. На заборах вывесили списки — какие растения принимаются; и ребятам захотелось заработать. Два дня они собирали травы. Васька отдал свой сбор матери и велел перебрать, рассортировать и увязать в чистую тряпку; и теперь шёл на заготпункт с большим опрятным узлом. А у Женьки матери нет, тётка и сестра на работе, не самому же возиться; Женька нёс сдавать лекарственные растения в дырявом мешке от картошки, с корнями и даже с землёй. Зато очень много было; больше, чем у Васьки; взвалил на спину — так и согнулся пополам.

— И я с вами, — сказал Серёжа, поспешая за ними.

— Не, — сказал Васька. — Поворачивай домой. Мы по делу идём.

— Да я просто так, — сказал Серёжа. — Просто провожу.

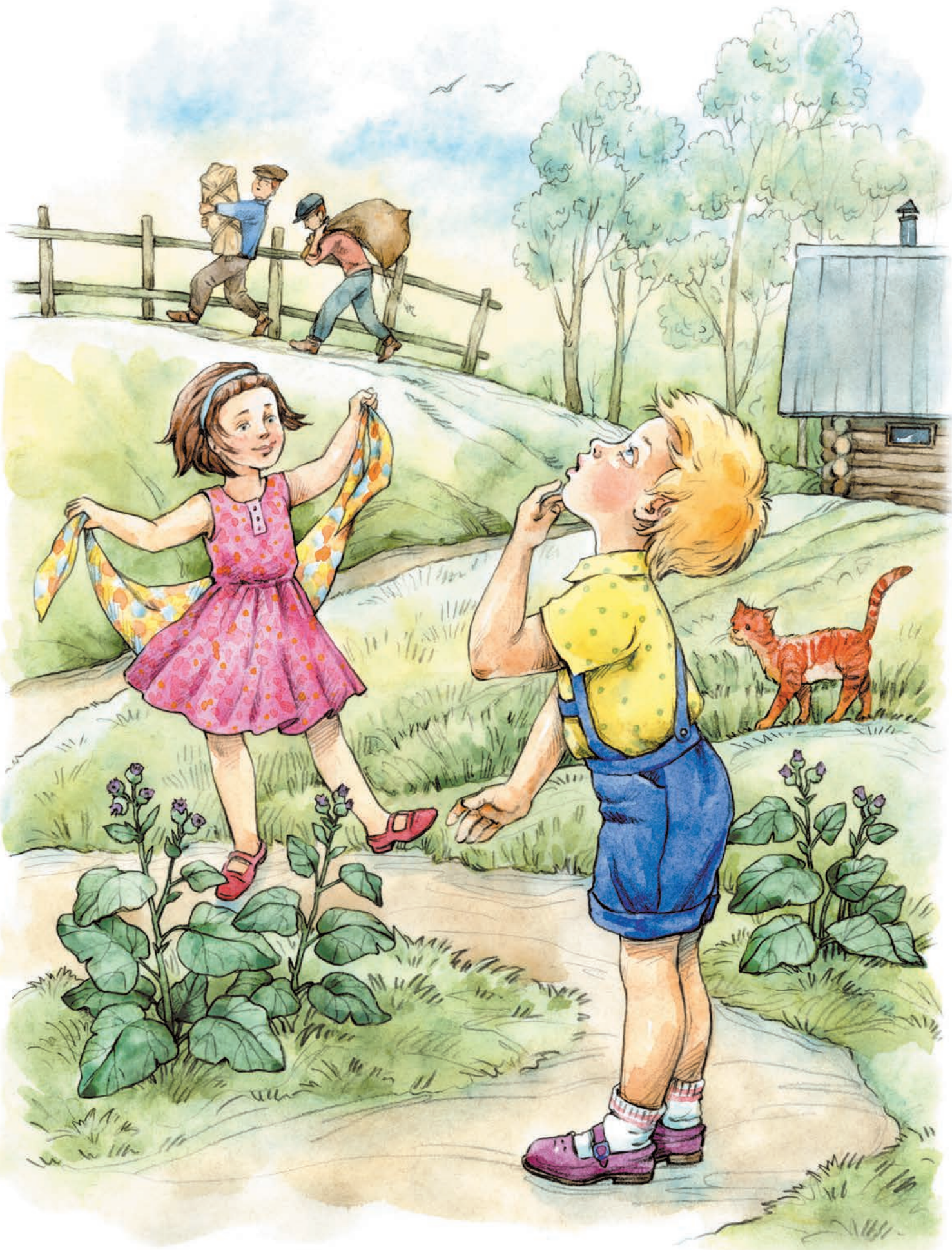
— Поворачивай, сказано! — приказал Васька. — Это тебе не игра! Маленьким нечего там делать!

Серёжа отстал. У него дрогнула губа, но он скрепился: подходила Лида, при ней плакать не стоит, а то задразнит: «Плакса! Плакса!»

— Не взяли тебя? — спросила она. — Эх ты!

— Если я захочу, — сказал Серёжа, — я вот столько наберу всякой разной травы! Выше неба!

— Выше неба — врешь, — сказала Лида. — Выше неба никто не наберёт.

— А вот у меня будет папа, он наберёт, — сказал Серёжа.

— Врёшь ты всё, — сказала Лида. — Никакого папы у тебя не будет. И он всё равно не наберёт. Никто не наберёт.

Серёжа, запрокинув голову, посмотрел на небо и задумался: можно набрать травы выше неба или нельзя? Пока он думал, Лида сбегала к себе домой и принесла пёстрый шарф, — мать её носила этот шарф, когда на шее, а когда на голове. С шарфом Лида принялась плясать, размахивая им, вскидывая руки и ноги и распевая что-то себе в помощь. Серёжа стоял и смотрел. Лида на минутку перестала плясать и сказала:

— Надька врёт, что её в балет отдают.

Поплясала ещё и сказала:

— На балерин учат в Москве и в Ленинграде.

И, заметив в Серёжиных глазах восхищение, великодушно предложила:

— Чего ж ты? Учись давай, ну? Смотри на меня и делай, что я делаю.

Он стал делать, но без шарфа не получалось. Она велела ему петь, но и это не помогло. Он попросил:

— Дай мне шарфик.

Но она сказала:

— Ишь какой!

И не дала. В это время подъехала машина «газик» и остановилась у Серёжиных ворот. Из машины вышла женщина-шофёр, а из калитки тётя Паша. Женщина-шофёр сказала:

— Принимайте, Дмитрий Корнеевич прислал.

В машине был чемодан и стопки книг, перевязанные верёвками. И ещё что-то толстое серое, скатанное в трубку, — оно развернулось, это оказалась шинель. Тётя Паша

и шофёр стали носить всё это в дом. Мама выглянула из окошка и скрылась. Шофёр сказала:

— Извините — вот и всё приданое.

Тётя Паша ответила грустным голосом:

— Уж пальтишко мог бы купить.

— Купит, — пообещала шофёр. — Всё впереди. И вот передайте письмецо.

Она отдала письмо и уехала. Серёжа побежал домой, крича:

— Мама! Мама! Коростелёв нам прислал свою шинель!

(Дмитрий Корнеевич Коростелёв ходил к ним в гости. Он дарил Серёже игрушки и один раз зимой катал его на саночках. Шинель у него без погон, осталась с войны. Сказать «Дмитрий Корнеевич» трудно, Серёжа звал его: Коростелёв.)

Шинель уже висела на вешалке, а мама читала письмо. Она ответила не сразу, а когда дочитала до самого конца.

— Я знаю, Серёженька. Коростелёв теперь будет жить с нами. Он будет твой папа.

И она стала читать то же самое письмо — наверно, с одного раза не запомнила, что там написано.

Под словом «папа» Серёже представлялось что-то чужое, невиданное. А Коростелёв — их старый знакомый, тётя Паша и Лукьяныч зовут его Митя, что это маме вдруг вздумалось? Серёжа спросил:

— А почему?

— Слушай, — сказала мама, — ты дашь прочесть письмо или ты не дашь?

Так она ему и не ответила. У неё оказалось много разных дел. Она развязала книги и поставила на полку. И каждую книгу обтирала тряпкой. Потом переставила штучки на комод перед зеркалом. Потом пошла во двор и нарвала цветов и поставила в вазочку. Потом для чего-то ей понадобилось мыть пол, хотя он был чистый. А потом

стала печь пирог. Тётя Паша её учила, как делать тесто. И Серёже дали теста и варенья, и он тоже испёк пирог, маленький.

Когда пришёл Коростелёв, Серёжа уже забыл о своих недоумениях и сказал ему:

— Коростелёв! Посмотри, я испёк пирог!

Коростелёв наклонился к нему и несколько раз поцеловал, — Серёжа подумал: «Это он потому так долго целуется, что он теперь мой папа».

Коростелёв распаковал свой чемодан, достал оттуда мамину карточку в рамке, взял гвоздь и молоток и повесил карточку в Серёжиной комнате.

— Зачем это, — спросила мама, — когда я живая буду всегда с тобой?

Коростелёв взял её за руку, они потянулись друг к другу, но оглянулись на Серёжу и отпустили руки. Мама вышла. Коростелёв сел на стул и сказал задумчиво:

— Вот так, брат Сергей. Я, значит, к тебе переехал, не возражаешь?

— Ты насовсем переехал? — спросил Серёжа.

— Да, — сказал Коростелёв. — Насовсем.

— А ты меня будешь драть ремнём? — спросил Серёжа.

Коростелёв удивился:

— Зачем я тебя буду драть ремнём?

— Когда я не буду слушаться, — объяснил Серёжа.

— Нет, — сказал Коростелёв. — По-моему, это глупо — драть ремнём, а?

— Глупо, — подтвердил Серёжа. — И дети плачут.

— Мы же с тобой можем договориться, как мужчина с женщиной, без всякого ремня.

— А в которой комнате ты будешь спать? — спросил Серёжа.

— Видимо, в этой, — ответил Коростелёв. — По всей видимости, брат, так. А в воскресенье мы с тобой пойдём —

знаешь, куда мы с тобой пойдём? В магазин, где игрушки продают. Выберешь сам, что тебя устраивает. Договорились?

— Договорились! — сказал Серёжа. — Я хочу велосипед. А воскресенье скоро?

— Скоро.

— Через сколько?

— Завтра будет пятница, потом суббота, а потом воскресенье.

— Ещё не скоро! — сказал Серёжа.

Пили чай втроём: Серёжа, мама и Коростелёв. (Тётя Паша с Лукьянычем куда-то ушли.) Серёже хотелось спать. Серые бабочки толклись вокруг лампы, стучались о неё и падали на скатерть, часто мелькая крылышками, — от этого хотелось спать ещё сильнее. Вдруг он увидел, что Коростелёв куда-то несёт его кровать.

— Зачем ты взял мою кровать? — спросил Серёжа.

Мама сказала:

— Ты совсем спишь. Пошли мыть ноги.

Утром Серёжа проснулся и не сразу понял, где он. Почему вместо двух окон три, и не с той стороны, и не те занавески. Потом разобрался, что это тёти-Пашина комната. Она очень красивая: подоконники заставлены цветами, а за зеркало заткнуто павлинье перо. Тётя Паша и Лукьяныч уже встали и ушли, постель их была застлана, подушки уложены горкой. Раннее солнце играло в кустах за открытыми окнами. Серёжа вылез из кровати, снял длинную рубашку, надел трусики и вышел в столовую. Дверь в его комнату была закрыта. Он подёргал ручку: дверь не отворилась. А ему туда нужно было непременно: там ведь находились все его игрушки. В том числе новая лопата, которой ему вдруг очень захотелось покопать.

— Мама! — позвал Серёжа.

— Мама! — позвал он ещё раз.

Дверь не открывалась, и было тихо.

— Мама! — крикнул Серёжа изо всех сил.

Тётя Паша вбежала, схватила его на руки и понесла в кухню.

— Что ты, что ты! — шептала она. — Как можно кричать! Нельзя кричать! Слава богу, не маленький! Мама спит, и пусть себе спит на здоровье, зачем будить!

— Я хочу взять лопату, — сказал он тревожно.

— И возмёшь, куда не денется лопата. Мама встанет, и возмёшь, — сказала тётя Паша. — Смотри-ка, а вот рогатка твоя. Вот ты пока рогаткой позанимаешься. А хочешь, морковку почистить дам. А раньше всех дел добрые люди умываются.

Разумные, ласковые речи всегда действовали на Серёжу успокоительно. Он дал ей умыться себя и выпил кружку молока. Потом взял рогатку и вышел на улицу. Напротив на заборе сидел воробей. Серёжа, не целясь, стрельнул в него из рогатки камушком и, конечно же, промахнулся.

Он нарочно не целился, потому что сколько бы он ни целился, он бы всё равно не попал, кто его знает — почему; но тогда Лида дразнилась бы, а теперь она не имеет права дразниться: ведь видно было, что человек не целился, просто захотелось ему стрельнуть, он и стрельнул не глядя, как попало.

Шурик крикнул от своих ворот:

— Сергей, в рощу пошли?

— А ну её! — сказал Серёжа.

Он сел на лавочку и сидел, болтая ногой. Его беспокойство усиливалось. Проходя через двор, он видел, что ставни на его окнах тоже закрыты. Сразу он не придал этому значения, а теперь сообразил: ведь они летом никогда не закрываются, только зимой, в сильный мороз; получается, что игрушки заперты со всех сторон. И ему захотелось их до того, что хоть ложись на землю и кричи. Конечно, он не станет ложиться и кричать, он не маленький, но от этого ему не было легче. Мама и Коростелёв всё заперли и не беспокоятся, что ему сию минуту нужна лопата. «Как только они проснутся, — думал Серёжа, — я сейчас же всё-всё перенесу в тёти-Пашину комнату. Не забыть кубик: он ещё когда упал за комод и там лежит».

Васька и Женька подошли и стали перед Серёжей. И Лида подошла с маленьким Виктором на руках. Они стояли и смотрели на Серёжу. А он болтал ногой и не говорил ничего. Женька спросил:

— Ты чего сегодня такой?

Васька сказал:

— У него мать женилась.

Ещё помолчали.

— На ком она женилась? — спросил Женька.

— На Коростелёве, директоре «Ясного берега», — сказал Васька. — Ох, его и прорабатывали!

— За что прорабатывали? — спросил Женька.

— Ну — за хорошие, значит, дела, — сказал Васька и достал из кармана мятую пачку папирос.

— Дай закурить, — сказал Женька.

— Да у меня у самого, кажется, последняя, — сказал Васька, но всё-таки папиросу дал и, закурив, протянул горящую спичку Женьке. Огонь на кончике спички в солнечном свете прозрачен, невидим; не видать, отчего почернела и скорчилась спичка и отчего задымила папироса. Солнце светило на ту сторону улицы, где собрались ребята; а другая сторона была ещё в тени, и листья крапивы там вдоль забора, вымытые росой, темны и мокры. И пыль посреди улицы — на той стороне прохладная, а на этой тёплая. И два гусеничных следа по пыли: кто-то проехал на тракторе.

— Переживает Серёжка, — сказала Лида Шурику. — Новый папа у него.

— Не переживай, — сказал Васька. — Он дядька ничего себе, по лицу видать. Как жил, так и будешь жить, какое твоё дело.

— Он мне купит велосипед, — сказал Серёжа, вспомнив вчерашний разговор.

— Обещал купить, — спросил Васька, — или же просто ты надеешься?

— Обещал. Мы вместе в магазин пойдём. В воскресенье. Завтра будет пятница, потом суббота, а потом воскресенье.

— Двухколёсный? — спросил Женька.

— Трёхколёсный не бери, — посоветовал Васька. — На кой он тебе. Ты скоро вырастешь, тебе нужен двухколёсный.

— Да врёт он всё, — сказала Лида. — Никакого велосипеда ему не купят.

Шурик надулся и сказал:

— Мне мой папа тоже купит велосипед. Как будет получка, так и купит.

ПЕРВОЕ УТРО С КОРОСТЕЛЁВЫМ. — В ГОСТЯХ

Загремело железо во дворе. Серёжа посмотрел в калитку: это Коростелёв снимал болты и отворял ставни. Он был в полосатой рубашке и голубом галстуке, мокрые волосы гладко зачёсаны. Он отворил ставни, а мама изнутри толкнула створки окна, они распахнулись, и мама что-то сказала Коростелёву. Он ответил ей, облокотясь на подоконник. Она протянула руки и сжала его лицо в ладонях. Они не замечали, что с улицы смотрят ребята.

Серёжа вошёл во двор и сказал:

— Коростелёв! Мне нужно лопату.

— Лопату?.. — переспросил Коростелёв.

— И вообще всё, — сказал Серёжа.

— Войди, — сказала мама, — и возьми, что тебе надо.

В маминой комнате стоял непривычный запах — табака и чужого дыхания. Чужие вещи валялись тут и там: одежда, щётка, папиросные коробки на столе... Мама расплетала косу. Когда она расплетает свои длинные косы, бесчисленные каштановые змейки закрывают её ниже пояса; а потом она их расчёсывает, пока они не распрямятся и не станут похожи на летний ливень... Из-за каштановых змеек мама сказала:

— С добрым утром, Серёженька.

Он не ответил, занятый видом коробок. Они были пленительны своей новизной и одинаковостью. Он взял одну, она была заклеена, не открывалась.

— Положи на место, — сказала мама, видевшая всё в зеркале. — Ты ведь пришёл за игрушками?

Кубик лежал за комодом. Серёжа, присев на корточки, видел его, но достать не мог: рука не дотягивалась.

— Что ты там пыхтишь? — спросила мама.

— Мне никак, — ответил Серёжа.

Вошёл Коростелёв. Серёжа спросил его:

— Ты мне потом отдашь эти коробки?

(Он знал, что взрослые отдают детям коробки тогда, когда то, что в коробках, уже выкурено или съедено.)

— Вот тебе в порядке аванса, — сказал Коростелёв.

И подарил Серёже одну коробку, выложив из неё папиросы. Мама попросила:

— Помоги ему. У него что-то завалилось за комод.

Коростелёв ухватил комод своими большими руками — старый комод заскрипел, подвинулся, и Серёжа без труда достал кубик.

— Здорово! — сказал он, с одобрением посмотрев вверх на Коростелёва.

И ушёл, прижимая к груди коробку, кубик и ещё столько игрушек, сколько смог захватить. Он снёс их в комнату тёти Паши и свалил на пол, между своей кроватью и шкафом.

— Ты забыл лопату, — сказала мама. — Так срочно она была тебе нужна, а её-то ты и забыл.

Серёжа молча взял лопату и отправился во двор. Ему уже расхотелось копать, он только что задумал переложить свои фантики — бумажки от конфет — в новую коробку; но было неудобно не покопать хоть немножко, когда мама так сказала.

Под яблоней земля рыхлая и легче поддаётся. Копая, он старался забирать поглубже — на полную лопату. Это была работа не за страх, а за совесть, он кряхтел от усилий, мускулы напрягались на его руках и на голой узенькой спине, золотистой от загара. Коростелёв стоял на террасе, курил и смотрел на него.

Явилась Лида с Виктором на руках и сказала:

— Давай цветов насажаем. Красиво будет.